

**И**

менитый земляк, писатель и журналист Василий Михайлович Песков живет в моей памяти не только редкими встречами с ним. Не только его книгами, какие я покупал в воронежских магазинах, какие он мне дарил лично или те, что издавались по областной программе книгоиздания, когда я работал руководителем управления по делам печати и средств массовой информации Воронежской областной администрации. И, конечно, не только в нескольких фотографиях из моего семейного альбома, где на снимках Песков — гость «Молодого коммунара» времен моего редакторства. На отдельных сюжетах — Песков из начально-тревожных 90-х годов. Тогда мы замыслили провести экспедицию «Молодого коммунара» и «Комсомольской правды». Цель — состояние реки Усманки, ее экологическое благополучие или недуги. Но так и не отправились в речное путешествие: буквально через месяц в Советском Союзе случился августовский путч. На других снимках Песков в окружении друзей «молодокоммунарской» юности Бориса Ивановича Стукалина и Михаила Георгиевича Домогацких и воронежских коллег-журналистов нашего поколения.

После открытия в Воронеже памятной доски Песков со мной теперь и в живых городских



Слева направо И. А. Щелоков, А. Н. Свиридов, А. Синельников,  
В. М. Песков, Б. И. Стукалин, Д. Н. Нечаев

буднях. Всякий раз, когда прохожу мимо здания ЮВЖД — от подземного перехода вглубь проспекта Революции, он смотрит на меня со стены Воронежского государственного промышленно-гуманитарного колледжа. Здесь в 50-е годы прошлого века Вася Песков учился на киномеханика. Я вижу знакомое, чуть-чуть усталое и вдумчивое лицо, и мне снова и снова хочется понять и самого Василия Михайловича, и его душу. Понять состояние мира, в каком жил Песков и какой оставил нам с надеждой, что этот, возможно, единственный и неповторимый уголок во Вселенной будет по-прежнему восторгать ландшафтами, освежать дыханием морей, окрылять степной бескрайностью, умиротворять белизной берез и целебной горной тишиной, вдохновляя на сотворение добра и света уже и после него.

Если честно, я не знаю, почему мне так дорог Василий Михайлович Песков. И уж точно не в первую очередь потому, что он выдающийся журналист и писатель, лауреат Ленинской премии и Почетный гражданин Воронежа. Это все из протокольных, титульных понятий, как говорится, для истории и потомков. А если просто для отдельно взятого человеческого сердца и за пределами официоза...

Кто мне Песков?

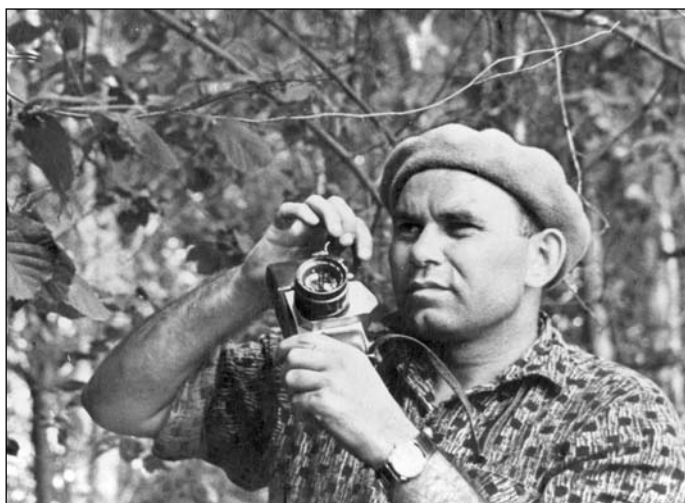
По возрасту — одноклассник моего отца: тот тоже был рождением из тридцатого года прошлого столетия, а значит, человек не моей эпохи и не моего поколения, он из эпохи, чье историческое время, по сути, завершилось. Но я хочу верить, что у каждого из нас гипотетически есть надежда по делам своим земным и Божьим добавить к бесконечному, объективно-вселенскому со-движению толику и своего личного, субъективного времени. Эта мысль меня давно занимает в поэтических раздумьях над трудными вопросами бытия. Вот несколько строк из поэмы «Ворожей»:

Там дни за днями в годы,  
Теснясь, наверняка  
Вливаются, как воды,  
В могучие века,  
А те потом — в эпохи,  
И — сплошь поток времен...

Жуку и мне с Терёхой  
Найдется место в нём!  
Найдется даже пчелке  
С букашкой наравне.  
И этой всей ячмёнке  
В потерях на стерне...

Так что личное время Пескова никуда не ушло, не кончилось, не потерялось на извилистых тропах, по которым прошел наш неутомимый путешественник и открыватель. Оно естественным образом, как приток с чистой водой, вошло в мифическую Лету, соединив себя с общим потоком бытия, и посылает оттуда нам сигналы. Просто у большинства ушедших импульсы индивидуального послеземного существования настолько ничтожны, что уловить их и распознать тем, кто живет здесь и сейчас, в конкретном месте и в конкретном времени, пока не по силам. А сигналы В.М. Пескова легко угадываемы в современных жизненных ритмах и созвучиях своим провидческим предупреждением: не сбережем окружающий нас мир — жди катастрофы. Они угадываемы через его книги, поколенческую любовь к нему. Через память о нем. Через его особую, напитанную, словно живительными родниками, добрую, возвышающую энергию, что проникала в подсознание сотен, тысяч современников, кто разделял пафос его слов и поступков, философию его жертвенного, в пример другим, отношения к жизни и всему сущему на Земле. Это и делает духовный и нравственный мир, личное время Пескова осязаемыми, объективными и реальными, будто этот человек никуда не уходил. Был образцовым, в назидание нам, воплощением природы, так и остался им. Разве что теперь в том его времени-пространстве иные горизонты в постижении вечного и брэнного, бытия и сознания, обретений и потерь. И координаты этих интеллектуальных и эмоционально-чувственных параллелей определяется не известными нам земными мерками, а поверяется другими индикаторами и смысловыми дистанциями, где, выражаясь лермонтовским словом, «звезда с звездой говорит» и где «за веком век бежал / Как за минутой минута...»

Возможно, в трепетном моем отношении к Пескову отчасти кроется эгоистичная профессиональная корысть: я горд, мол, что, как и он, тоже выходец из «Мо-



Василий Песков. Фото А. Костина



Мемориальная доска В. М. Пескову

лодого коммунара», из газеты, которую Василий Михайлович любил, помнил и всегда, десятилетиями, пока та существовала до лета 2015 года, непременно навещал по приезду в Воронеж. Может, и так, если по канонам формальной логики исходить из причинно-следственных связей. Но это условное объяснение. В нем, как в айсберге, видна только поверхностная часть моего погружения в песковский мир; основная, глубинная скрыта под океанскими течениями бытия.

Зачем мне Песков сегодня?

Василий Михайлович явно не герой из нашего тупикового времени, где порядком поубавилось сердоболия, доброты и справедливости, где невежество и скудоумие бессовестно выставляют на публичное обозрение, как болезненно-тщеславный постмодернист-художник для авторской инсталляции вываливает груды битых кирпичей и прочего строительного мусора в выставочном зале, выдавая хаос своих художеств за гармонию современного искусства.

Безусловно, Песков не герой времени, в котором миллионы людей обожаемого,

воспетого, обоготворенного писателем мира голодают и изнывают от недостатка питьевой воды, а избранные мира сего жируют и стяжательствуют, помышляя о технологиях (страшно в этом признаться!) истребления большей части человечества, чтобы избежать всемирного кризиса пропитания.

Конечно же, он не герой времени, в котором молодежь почти не читает умных книг, предпочитая бумажным страницам облегченную версию с информационным пошкормом на экране айфона, и наверняка не слышала о чуде, завещавшем после смерти развеять его прах над Воронежским биосферным заповедником.

Песков по жизни и творчеству — носитель вечной традиции. Вместить Пескова телом и духом в суматошное, стиснутое пространство текущего дня, где все на злобу и все по злобе, означает одно: не понимать истинного предназначения этого человека для нас и мира.

Как ни странно, в Пескове я нуждаюсь именно сегодня. Наверное, чтобы я мог осмысленно и избирательно, а не каждодневно и потребительски жить в своем времени и в своем мире. Василий Михайлович для меня будто земля, небо, почва, вода и воздух вместе взятые. Большинство людей живет, противопоставляя себя природе, как главный герой тургеневского романа «Отцы и дети» Базаров. Песков жил, наоборот, с ощущением органичной, неотъемлемой части природы, и той, что мы называем планетой Земля, и той, что над нами возвышается: днем в ясную погоду — Солнцем, безоблачными ночами — несметными созвездиями и единственно преданной земной спутницей Луной. И эта одномоментная, полная, осмысленная до самозабвения растворенность в природе на протяжении всей песковской жизни подчеркивала его неповторимость, непохожесть, избранность перед нами и его первородную детскость перед временем и пространством. Его нельзя оторвать, отодрать, выдернуть с корнем из российской и мировой действительно-

сти, из времени суток или времен года, географических поясов и меридианов, он и есть этот мир во времени.

Такое состояние духа позволяло Пескову жить сразу везде и всюду: быть речкой детства Усманкой, росой на луговой траве или рощей на холме; муравьем, редким видом журавля — стерхом или страусом; кедром из сибирской тайги, американской секвойей или африканским баобабом; черноземной степью, песками Сахары или камчатским вулканом; вырвавшимся чудом из фашистского плена советским летчиком Михаилом Девятаевым, членом команды судна «Башкирия», спасавшего советских зимовщиков в Антарктиде, или старовером семьи Лыковых, скрывавшихся десятилетиями в горах Алтая от агрессии внешнего мира и безбожного времени...

Потому-то и кажется мне, есть что-то сокровенное в том, что памятная доска Василию Михайловичу Пескову в Воронеже помещена на здании колледжа. Может быть, именно здесь увлеченный и беспокойный юноша, постигая профессию киномеханика, впервые через объектив камеры разглядел божественное величие мира, ощутил магнетическую тягу времени и уловил чутким сердцем зов природы.

...А разве вам Песков сегодня не нужен?

